

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

**ЛЕКЦИИ Ф.И. БУСЛАЕВА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ЧИТАННЫЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
НАСЛЕДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,
КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО**

В статье анализируются лекции Ф.И. Буслаева по русской литературе, прочитанные им цесаревичу императору Николаю Александровичу в 1859–1860 гг. Этот интересный педагогический опыт представил ученого в высшем свете как яркого историка и филолога, проповедника народной культуры. В центре внимания Ф.И. Буслаева стояли проблемы сравнительного изучения древнерусской и европейской словесности, их духовные, исторические, языковедческие переплетения. В лекциях он проявил свой талант искусного педагога-мыслителя и одаренного рассказчика, строгого ученого-компаративиста и обаятельного, живого лектора. Эти записи, восстановленные много лет спустя, показательны для портрета Ф.И. Буслаева, становления и развития его профессиональных интересов и научных подходов.

Древнерусская литература, народная поэзия, культура, история, компаративистика, герменевтика языка.

Еще не создана такая наука – б у с л а е в е д е н и е . Хотя предпосылки для этого есть, и весьма основательные: Федор Иванович являлся первым лицом в мифологической школе русской фольклористики (см.: [1; 24]); он пестовал будущих искусствоведов и знатоков иконописи [9]; стоял у ворот новой историко-лингвистической науки и был вдохновенным певцом народного эпоса, изучал, говоря современным языком, архаическую картину мира человека [20]. Академик А.А. Шахматов провидчески назвал его «основателем русской филологии» [26, с. 7]. Тем не менее научное творчество Ф.И. Буслаева (1818–1897) исследовано слабо и неравномерно, особенно в части изучения архивных материалов и включения их в контекст современной филологической мысли (см.: [14; 15]). Но это время обязательно настанет. И яркая звезда обаятельной, одаренной Богом и выученной собственным усердием личности просветителя-энциклопедиста Ф.И. Буслаева засияет в сонме великих старателей искусства слова. Оно было открыто заново именно в XIX столетии во многом благодаря филологическим экспериментам Ф.И. Буслаева (см.: [17; 18; 19]) и до сих пор покоится на тех же установках, лишь обрастая со временем «хронотопами» и отчаянными попытками вырваться вперед со своей идеей, в общем-то давно освещенной природным блеском носителей подлинного творчества из плеяды Любомудров прошлого. А.Т. Хроленко считает, что Ф.И. Буслаев разгадал «секрет русского самородного слова, что обеспечило расцвет отечественной филологии, единственной науки, интересы которой совпадают с интересами России» [25, с. 93]. Об этом историческом персонаже и пойдет речь в нашей статье.

В жизни и научной деятельности замечательного русского ученого Ф.И. Буслаева много необычного, яркого, удивительного. Из глубинки он приехал посту-

пать в Императорский Московский университет, и удача подвернулась ему: он оказался в числе «казенно-коштных» студентов в то время, когда на философском факультете преподавали И.И. Давыдов, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.И. Надеждин и другие редкие умы своего Отечества. Известный московский юродивый И.Я. Корейша предсказал скромному юноше большое будущее и долгие годы просвещения [13, с. 90–92]. Еще смолodu Ф.И. Буслаев определил свой путь в науке: «Я выбрал себе отделение славяно-русское» [8, с. 140]. Тогда это означало быть первопроходцем в той отрасли филологии, которая под влиянием немецких компаративистов стала активно развиваться и в России, преодолевая скепсис и настороженность академической среды.

После окончания университета Ф.И. Буслаев оказался в новой для него обстановке: он преподавал словесность детям барона Л.К. Бодe, проживая в летнее время в их усадьбе Покровское-Мещерское, а зимой – в Кремле. Затем незабываемое путешествие по Европе в Италию, куда его пригласил в качестве домашнего учителя граф С.Г. Строганов. Ф.И. Буслаев вернулся домой европейски образованным ученым. Нет, он не учился более ни в каких заведениях. Настоящим его университетом стала насыщенная поисками, наблюдениями, любовью к прекрасному жизнь. Он старался вобрать в себя все оттенки культуры времени. Итальянский период, безусловно, повлиял на многие творческие решения Ф.И. Буслаева.

Затем годы работы в гимназиях в Москве, начатые еще до поездки в Италию, преобразили профессиональные способности молодого ученого: он тяготился рутинной в образовании и искал своего пути к просвещению словом через «дух народа» – его предания, летописи, живые, наполненные дыханием и чувствами оттенки языков и диалектов – древних и со-

временных. Вскоре, в 1844 г., вышел первый в России педагогический и одновременно лингвистический труд выдающегося свойства – «О преподавании отечественного языка» (см. о нем: [19]). Этим подвигом Ф.И. Буслаев перевернул сознание современников, влил в старые меха новое знание, выдвинул свое имя в число передовых методистов-реформаторов и открыл для многих соотечественников иные дороги в мир словесного искусства.

Ф.И. Буслаев очень рано начал печататься и сразу в известных изданиях – в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки», в газетах и сборниках. Он смог выразить в них свой неподдельный интерес к историко-культурной, как бы сейчас выразились, семиосфере: показательны его рецензия на «Опыт руководства к преподаванию и изучению русской грамматики для русских» В. Половцова (1841), статьи «Сербская сказка о царе Трояне» (1842) и «Храм св. Петра в Риме» (1842), работа «О звуковом методе в обучении азбуке» (1842). В эти же годы развивались профессиональные увлечения Ф.И. Буслаева народными говорами, пословицами, палеографией, историей литературы и эстетикой, выходили такие необычные исследования, как «Женские типы в изваяниях греческих богинь» (1856), «Древнерусская борода» (1859) и др. Он начал первые шаги в изучении старинной символики и современного романа, духовных стихов и иконографии (см. подробнее библиографию его трудов в кн.: [23]). Все это гармонично уложилось в таком трепетном духовном организме, как Ф.И. Буслаев.

В университетской стезе Ф.И. Буслаев тоже выделялся своеобычностью интересов и познаний. Его влекли те эпохи, когда происходило формирование народного сознания, когда языческие верования только начинали производить культурные плоды, а христианство облекло их в богатый метафорический орнамент. И здесь, не раз выступая с кафедры, Ф.И. Буслаев подчеркивал необходимость сравнительного изучения народной поэзии [4, с. 3].

Федор Иванович Буслаев.
С фотографии середины XIX в.

Через все работы Ф.И. Буслаева в той или иной мере проходит компаративистика. Она не только как метод, но и как культурное течение была воспринята им и преобразована на русской почве так высоко и вдохновенно, что дала значимые результаты практически во всех областях знания: от собственно лингвистических трудов ученого до работ по изучению миниатюр и лицевых апокалипсисов.

В эту эпоху становления новой традиции в науке произошел еще один необычный эпизод в биографии Ф.И. Буслаева: по протекции графа С.Г. Строганова молодого ученого пригласили в царскую семью преподавать русскую литературу наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. «Никогда не забуду, – писал Ф.И. Буслаев в своих воспоминаниях, – с каким наслаждением читал я ему об Остромировом Евангелии, об Изборнике Святославовом и о великолепных миниатюрах Сийского Евангелия по драгоценным рукописям, которые были доставляемы нам для лекций из петербургской Публичной библиотеки, московской Синодальной и с далекого Севера, из Сийского монастыря» [8, с. 336]. Ф.И. Буслаев как самолюбивый педагог и филолог от Бога не мог замкнуться только в рамках учебного расписания (впрочем, ему, кажется, никто не диктовал, что и как преподавать – лишь граф С.Г. Строганов иногда по-дружески присматривал за ним, присутствуя на его занятиях с Николаем Александровичем). Профессор поставил себе более высокую задачу: «...я вознамерился расширить объем истории русской литературы из тесных пределов так называемой изящной словесности, а в методе преподавания предпочел общим обозрениям и поверхностным характеристикам личное знакомство учащегося с литературными произведениями, приобретаемое внимательным их прочтением» [Там же].

В этом заключался основной подход Ф.И. Буслаева в обучении, кого бы он ни воспитывал – обычного гимназиста или сановного отпрыска. Через изучение подлинной рукописи, проникновение в ее художественно-изобразительные свойства можно понять замысел автора, увидеть скрытые подтексты и метафоры, услышать голос давнего времени, а значит – постичь глубинное, подлинное знание, быть частью творимой истории. Ф.И. Буслаев с искренним удовлетворением отмечал, что, «полюбив науку, его высочество полюбил и относящиеся к ней рукописи и книги, а вместе с тем приобрел охоту составлять свою собственную, кабинетную библиотеку, по своему выбору и вкусу» [Там же, с. 338].

Показательно, что Ф.И. Буслаев при обучении цесаревича императора взял обычай «приносить на лекцию самый памятник литературы, о котором идет речь» [Там же, с. 342]. Так, в одно из занятий с Николаем Александровичем он взял старопечатную книгу «Лимонарь, сиречь Цветник, премудрыми кир Иоанном, Софронием и иными различными преподобными отцы сочинен»: «Его высочество так был заинтересован им, что, прочитывая страницы по две в день, внимательно изучал это интересное литературное произведение в течение всего великого поста и Святой недели, и столько дорожил им, как он сам сказал мне потом, что взял его с собою в вагон, когда отправился в Царское Село. Это была первая старопечатная кни-

га, которую он прочтет всю сполна. Как драгоценную реликвию, я берегу ее вместе с письмами моей матушки и гр. С.Г. Строганова. На последнем ее листе моею рукою означено: “19 апреля 1860 г., во вторник, эта книга была перевезена из Петербурга в Царское Село Государем наследником Николем Александровичем в его собственном портфеле. Петербург, 24 апреля 1860 г.”» [8, с. 342]. К другим «дорогим документам моего прошедшего» Ф.И. Буслаев также отнес и «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» с собственноручными пометами цесаревича и помянник, приобретенный Ф.И. Буслаевым в Ницце [Там же, с. 342–343].

В личном фонде Ф.И. Буслаева в РГБ сохранились небольшие заметки ученого к занятиям по русской литературе с великим князем. Там и были упомянуты «Лимонарь...», «Древние российские стихотворения...» с указаниями, какие произведения в последней книге особо тронули цесаревича и «собственною рукою карандашом отмечены знаком NB» [ОР РГБ. Ф. 42. Картон 2. № 5. Л. 1–1 об.].

Даже во время летнего отдыха Николай Александрович находился под впечатлением лекций своего учителя: «Граф [С.Г. Строганов] передавал мне, что Цесаревич взял с собою мои лекции и по вечерам иногда читал вслух своим спутникам с профессорскою интонацією и с внушительными паузами, будто с кафедры университетской аудитории. “И как это было хорошо, – говорил граф, – совсем по-студенчески! Студенты любят изображать из себя своих преподавателей и мечтать об ожидающей их профессуре”» [8, с. 343].

Отношения сановой особы и его учителя со временем перешли официальную границу, какая неизменно присутствовала между ними, и Ф.И. Буслаев с теплом в душе вспоминал беседы по вечерам за чашкой чая, которые они проводили почти всегда наедине. И здесь учитель был на высоте. Мудрый педагог, он посвящал своего ученика в сложные перипетии литературных баталий того времени. Во время дружеских посиделок они обсуждали громкие статьи и журнальные рецензии. Вот как об этом много позднее писал Ф.И. Буслаев: «Сидели мы за большим обеденным столом у самовара; Цесаревич сам заваривал чай и разливал в чашки. Чтобы постоянно удовлетворять восприимчивой любознательности моего августейшего собеседника, наши разговоры сами собою настроились на серьезный лад. Этому, между прочим, немало способствовало и данное мне графом указание воспользоваться этими вечерами, чтобы ознакомить его высочество с идеями, взглядами и направлениями современной образованной или вообще читающей публики по более интересным выдержкам из журнальной беллетристики и по таким газетным статьям, которые почему-либо возбудили всеобщее внимание и наделали много шума.

Чем больше заинтересовывался Цесаревич бойким движением тогдашней периодической литературы, тем живее обнаруживалось в нем желание составить себе ясное и точное понятие о ее главнейших деятелях, об отличительных качествах каждого из них, о нраве и обычаях и вообще о той обстановке, в которой они живут и действуют. На первом плане

были для него не номер журнала, не газетный лист, а живые люди, которые их сочиняют и печатают для распространения в публике своих убеждений, мечтаний и разных доктрин. Чтобы удовлетворить такому разумному желанию, я должен был входить в биографические подробности о журналистах и их сотрудниках, прозаиках, поэтах и критиках не только новейшего времени, но и прежних годов – поскольку это находил нужным и полезным. Я рассказывал о журнальных партиях в их междоусобной борьбе, об ожесточенной вражде, с какою критика встречала произведения наших великих писателей – Карамзина, Пушкина, Гоголя; говорил о западниках и славянофилах, о “Библиотеке для чтения” и о пресловутом бароне Брамбеусе (авторе критического отзыва на книгу Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка». – О.Н.), о “Северной Пчеле” Булгарина и Греча, о “Москвитянине” Погодина и о критических статьях Шевырева, об “Отечественных Записках” Краевского и о Белинском, о “Современнике” Панаева и о Некрасове, Добролюбове и о многих других» [8, с. 345–346].

Рассказал Ф.И. Буслаев и забавные эпизоды, отразившие между прочим скрытую борьбу партий при дворе императора за влияние, о чем ученый упоминал в своих воспоминаниях [Там же, с. 344]:

«В эти досужие вечера много говорилось всякой всячины, но о чем именно и как, все это представляется мне теперь смутно, отрывочно и перепутанно, может быть, потому что внимание мое было больше сосредоточено на собеседнике, нежели на предметах разговора. Впрочем, из немногого, что удержалось в моей памяти, передам вам кое-что. Однажды зашла у нас речь о старинных деревянных постройках, которых теперь уже так мало осталось в нашем отечестве, и о важном их значении для определения характеристик особенностей вполне русского архитектурного стиля. По этому случаю Цесаревич рассказал мне один любопытный факт из истории нашей областной администрации, который сообщил ему граф Блудов или кто другой из членов государственного совета. Лет за двадцать назад, во времена императора Николая Павловича, для предохранения святыни Божьих храмов от опустошительных пожаров было предписано упразднить и сломать в селах деревянные церкви, а взамен их соорудить каменные. Но так как во многих местах не хватало средств для такой ценной перестройки, то православные крестьяне оставались несколько лет без церковной службы. Этою неурядицей удачно воспользовались окольные сектанты и мало-помалу их всех переманили в свои раскольничьи молельни. Из своих рассказов хорошо помню только два маленьких анекдота, и то, вероятно, по той причине, что они касаются наших лекций. Сердобольные приятели мои, о которых я говорил вам прежде, не переставали заботиться обо мне и в Петербурге. Они распустили слух, будто я, ступая во дворец по паркету, поскользнулся и свихнул себе ногу: это надо разуместь, что на лекциях я потерпел фиаско. Потом пронеслась молва, будто я прочел наследнику целую лекцию об отменных достопримечательностях крестьянской избы. Над этими выдумками нехитрого остроумия мой собеседник много смеялся» [Там же, с. 346].

*Портрет великого князя цесаревича
Николая Александровича. Литография П. Смирнова.
Санкт-Петербург, около 1864 г.*

Эти лекции, с таким воодушевлением прочитанные «августейшему ученику», как называл цесаревича Ф.И. Буслаев, частично вошли в двухтомник ученого «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» [3]. Первые экземпляры ученый подарил графу С.Г. Строганову и Николаю Александровичу. Вскоре об этом узнала императрица. Ф.И. Буслаев так рассказывал об этом: «Приняв от меня оба тома, его высочество прежде всего просмотрел их оглавление, потом стал перелистывать, останавливаясь на иных страницах по несколько минут, и при этом изъявлял свое удовольствие, что встречает известные для него предметы, о которых он слышал на моих лекциях. Особенно льстило его самолюбию видеть в обоих томах изданные для публики снимки с миниатюр из таких лицевых рукописей, которые были уже у него под руками.

Дня через два он сказал мне, что государыня императрица изъявила желание получить экземпляр моих “Исторических очерков”. Это было немедленно исполнено через посредство Цесаревича, а вслед за тем он сообщил мне о намерении ее величества быть у нас на следующей лекции, которая на этот раз с утреннего часа была переведена на вечерний. Мы оба ожидали ее не в кабинете, а в зале. Цесаревич волновался больше моего, потому что был так доволен и рад, приведя к исполнению задуманный им план. Когда появилась Государыня, он куда-то исчез, и я остался один перед ее величеством. Она остановилась у двери, которая тотчас же была затворена. Я стоял среди залы и не знал, что мне делать: идти навстречу Государыне или оставаться на месте и ждать, но она медлила, и я мгновенно решился на первое. Когда я подошел к ней, она изъявила мне милостивую благодарность за поднесенную книгу. В эту минуту Цесаревич уже стоял рядом со мной. Лекция удалась как нельзя лучше, потому что меня воодушевлял и ободрял своим веселым, радостным настроением августейший ученик мой» [8, с. 346–347].

В воспоминаниях Ф.И. Буслаева есть еще несколько интересных эпизодов, связанных с обучением цесаревича. Думается, что под ненавязчивым влиянием своего учителя тот вырастал в настоящего гражданина своей Отчизны, понимающего историю, любящего на-

*Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882),
русский государственный деятель, археолог,
меценат, воспитатель великих князей.
С гравюры 1889 г.*

родную культуру и ее быт, а главное – восприимчивого к чужой судьбе, пусть даже если она и была всего лишь художественной выдумкой наших предков.

Ф.И. Буслаев писал: «Последнюю лекцию читал я цесаревичу 31 декабря 1860 г., а перед отъездом в Москву был у него вечером 16 января 1861 года. Из всего, что тогда говорилось, помню только немногие его слова, искренние и душевные, которые глубоко и навсегда вкоренились в моем сердце. Речь шла о наших теперь уже поконченных занятиях. Сначала он спросил меня, какою отметкою оценил бы я его сведения и успехи, если бы он держал экзамен вместе с другими моими слушателями в университете. Я сказал, что он был бы одним из самых лучших. И как обрадовался наследник такому отличию! Потом, после небольшой паузы, будто отвечая на чей-то вопрос, он тихо промолвил: “Да, теперь я знаю, как мне воспитывать и учить своих детей, если Господь Бог благословит меня ими”. С тех самых пор, как предстанет в моих мечтаниях и думах прекрасный образ царственного юноши, слышатся мне эти вещие слова. Так и остались они не разгаданы, вместе с его светлыми надеждами и помыслами» [8, с. 347].

К сожалению, так было уготовано Всевышним, что судьба этого одаренного правителя оборвалась слишком рано: цесаревич император Николай Александрович скончался в Ницце в 1865 г. Ему было немногим более 21 года от роду.

Отвлекаясь немного от главного предмета нашего интереса – самих лекций Ф.И. Буслаева, мы так подробно, с объемными выдержками пересказывали воспоминания об этом периоде деятельности ученого прежде всего для того, чтобы рельефнее показать личность Федора Ивановича, образ его мыслей, наблюдений, его педагогический и филологический талант, наконец, обратить внимание читателей и на стиль изложений «записок для себя». Как живая река, набравшая свой поток из горных ледников, его мемуары дышат не сухой историей, простыми фактами и датами, а словно воссоздают колоритный облик той далекой эпохи, с доброй иронией и проникновенностью повествуют о научном пути легендарного соотечественника и судьбах его героев. Одним из них и был сын императора Александра II.

Теперь перейдем к краткому обзору и, насколько это будет возможно, анализу буслаевских лекций и остановимся только на начальной их части, изложенной в первом выпуске [5].

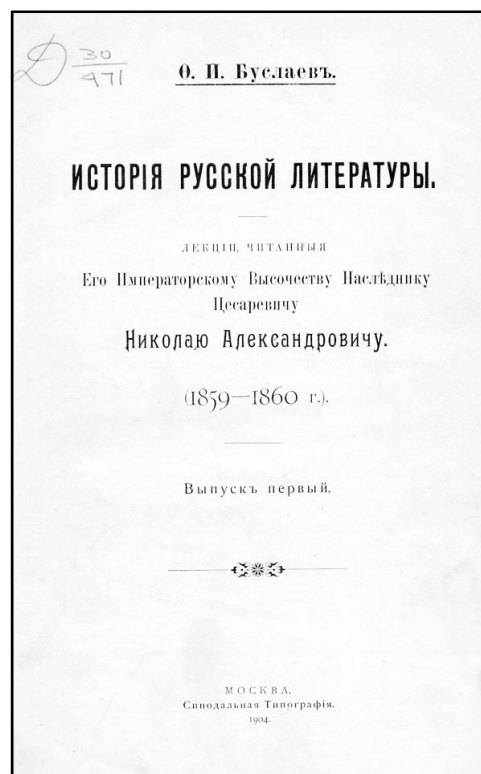
Впервые они были напечатаны в сборнике «Старина и новизна» в 1904 (кн. 8, с. 97–375), 1905 (кн. 10, с. 1–267) и 1907 гг. (кн. 12, с. 10–306) и затем вышли отдельными изданиями в 1904 [5], 1905 [6] и 1906 гг. [7].

Первая лекция была прочитана Ф.И. Буслаевым 28 декабря 1859 г. в 12 часов дня [4, с. 4] и посвящалась общим проблемам истории литературы. Уже в начальных строках ученый обнажал свой главный принцип: «Для того чтобы вполне и разумно усвоить себе все существенно важное в истории литературы, надобно войти в прямое, непосредственное сношение с литературными памятниками, то есть – надобно перечитать *в подлиннике* (курсив наш. – О. Н.) и изучить самые произведения словесности в их хронологическом порядке» [Там же]. Вместе с тем Ф.И. Буслаев призывал своего воспитанника быть чутким к выражению духовного мира, изображенного в литературных источниках, научиться понимать слог и смысл древних словечек и фраз, впитывать их живописную интонацию, разукрашенную часто невидимыми для читателя эпитетами, метафорами, сравнениями. «Самая высшая задача историка литературы, – писал Ф.И. Буслаев, – состоит в том, чтобы своими личными взглядами и соображениями он не нарушил полноты и свежести впечатления, которое сам собою получает изучающий при личном знакомстве с памятниками словесности, – чтобы отвлеченными рассуждениями историк не сгладил с произведения фантазии живительного обаяния его внешней формы и тем самым чтобы не повредил уразумению мысли, таящейся под этою оболочкою» [Там же, с. 5]. История словесности, – говорил далее Ф.И. Буслаев, – ценна прежде всего «для образования человека» [Там же]. Замечательна по силе филологического прозрения мысль профессора: «...вся неотразимая сила этой науки состоит в последовательном восприятии идей и убеждений развивавшегося в течение веков человечества, в духовном общении с веками и поколениями посредством самого верного проводника идей, то есть посредством слова» [Там же, с. 6].

Далее Ф.И. Буслаев подводит слушателя к своему методу изучения словесности, который поражает той высокой целью и тем предназначением, которое видел в сановном ученике Федор Иванович: «Успехи в этой науке определяются не числом пройденных статей или параграфов руководства, а духовным возрастанием самого учащегося, по мере личного общения его с вековыми преданиями человечества, дошедшими до нас в самой разумной форме – слова» [Там же].

И наконец, он завершил первую лекцию таким откровением: «Чтобы войти в интересы нравственной жизни народа, надобно изучить его словесность» [Там же, с. 9].

На занятиях, предвещающих собственно историю литературы, Ф.И. Буслаев доносил до цесаревича самые важные духовные основы словесной культуры, показывал, что наряду с науками гражданскими, юридическими и техническими народное творчество выступает как свидетельство «великой будущности» России, ее «способности развиваться и идти вперед» [Там же, с. 8].

Титульный лист первого выпуска лекций
Ф.И. Буслаева

Далее Ф.И. Буслаев обозначал периоды истории русской литературы. Он выделил всего шесть таких этапов:

- 1) «доисторический и языческий, до принятия Русью христианской веры»;
- 2) «начатки христианского просвещения в древней Руси, до татарского ига»;
- 3) «татарский, до второй половины XV века, когда окончательно утверждается господство Москвы над старыми городами»;
- 4) «московский, объемлющий вторую половину XV века и XVI век»;
- 5) «от начала XVII века и до Ломоносова: это период *сближения Руси с Западом*»;
- 6) «от Ломоносова до наших времен: *господство западноевропейских начал* в русской литературе» [4, с. 10].

Тут же Ф.И. Буслаев как будто рассуждал вместе с учеником: «Неужели, и в наше образованное время, во второй половине XIX в., где-нибудь в захолустьях нашего необъятного отечества можно еще быть наблюдателем необычайного явления, как воочию совершается доисторический, языческий период быта народного?» [Там же, с. 11]; «Почему же Русь не ограничилась своими собственными средствами к развитию и стала впоследствии заимствовать их от Западной Европы?» [Там же].

Ф.И. Буслаев был уверен, что только сравнительное изучение языков, мифологии, обычаев и местных преданий – *родной старины* – могло дать подлинные свидетельства о доисторической жизни народа, запечатленной в древней поэзии. Показательно, что и в лекциях об истории отечественной словесности он упоминал о сравнительной грамматике как «самой

точной, положительной» науке [4, с. 14], которая исследует истоки языка, его корнеслов, а значит, по Ф.И. Буслаеву, мир идей и представлений [Там же, с. 15].

С первых же лекций звучат имена немецких филологов Якоба и Вильгельма Гриммов, чешского просветителя Шафарика, установивших новые отношения в языковедческой науке, которые, между прочим, привели к осознанию того, чтобы и в российских университетах стали преподавать сравнительное изучение славянских наречий. Началась новая эра филологической науки – компаративистика! «С тех пор, – сочувственно говорил Ф.И. Буслаев, – оказалось уже невозможным изучение русской словесности и вообще народности и старины независимо от родственных нам славянских племен» [Там же, с. 19].

Ф.И. Буслаев то удалялся от изложения литературных процессов, то вновь обращался к ним, сопровождая свои лекции историко-культурными, этнографическими вкраплениями о древних племенах, населявших Европу, о деятелях того далекого времени. В лингвистической части лекций Ф.И. Буслаев рассказывал и о славянских наречиях [Там же, с. 23 и далее], в которых выделил два «отдела» – «юго-восточный» и «западный» (заметим, что, по-видимому, Ф.И. Буслаев еще не очень ориентировался в новейших исследованиях по компаративистике А.Х. Востокова, разделившего против общего мнения в 1820-х гг. южный и восточный отделы и придавшего им черты самостоятельных наречий).

Особое место в словесной симфонии Ф.И. Буслаева имели славянские интонации. Именно с них он начал четвертую лекцию, а по сути – первое невводное занятие по истории литературы. Ученый с высоким изяществом рассказчика-филолога поведал своему ученику о поэме Вука Караджича «Женитьба крала Вукашина», где представлена борьба старого поколения с новым [Там же, с. 26]. Но не только об этом говорил профессор. Он обратил внимание цесаревича на эпические описания природы [Там же, с. 27–28], мифических героев. И тут же мораль: «Эта-то неколебимая вера в господство на земле добра и правды составляет самое высокое, нравственное достоинство народного эпоса» [Там же, с. 30]. Далее шло сравнение с сочинением Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии», «Илиадой» Гомера, доблестными рыцарями средневековья, идеями Лессинга... Какой цветник имен, культур, исторических сюжетов!

Ф.И. Буслаев в лекциях уделил много внимания также вопросам славянской мифологии, говорил о «космогоническом эпосе немецких племен» [Там же, с. 57 и далее], размышлял о божествах, символах семейного и общественного устройства [Там же, с. 69], первообразной поэзии.

Показательны такие выражения автора, которые скорее всего запали и в душу юного цесаревича: «Народный эпос (то есть слово), во всех разнообразных его видах, начиная от мифа и чарующего заклятия – отголоска языческих обрядов, и до детской игры, сопровождаемой пеньем и сказками, и до колыбельной песни, – есть не только выражение народного быта, но это сама духовная жизнь народа, перелитая в гармонические звуки родного слова» [Там же, с. 87].

На страницах изданных лекций разыгрывались настоящие баталии: живое чувство, потрясение, взволнованные голоса героев – все это буквально слетало со строк неискusstвенных рассказов профессора. Ф.И. Буслаев сопереживал своим персонажам, любил их всем сердцем, и этот душевный порыв он передавал словами народного эпоса, выбирая наиболее показательные фрагменты для описания: «Гудруна взглянула и увидела: кудри героя запеклись кровью, погасли светлые очи князя, и грудь короля насквозь проколота мечом. И опустилась Гудруна, где она сидела; волосы на голове ее разметались, щеки побагровели, и ручьями полились слезы по груди ее. И плакала Гудруна, и реками лились ее слезы, – а на дворе кричали гуси, прекрасные птицы, за которыми сама Гудруна ухаживала» [4, с. 117]. Далее Ф.И. Буслаев замечал: «Поразительная истина в изображении человеческих страданий не требует объяснений в этой, потрясающей душу драматической сцене, вполне достойной самого Шекспира!» [Там же].

В своих мифопоэтических воззрениях Ф.И. Буслаев пытался проникнуть в дух народа, разгадать его словесный код, расшевелить сознание, оживить слово проникновением в его смысл и образ. Можно сказать, что он в какой-то мере являлся предшественником идей А.А. Потебни, рассуждавшим в своем немеркнущем в истории словесности произведении «Мысль и язык» о «сгущении мысли», «символизме языка» [21, с. 145]. Ф.И. Буслаев только находился на подступах к философии логоса и вживлял в свой метод иное осмысление текста. Так необычно для своего времени, например, он писал о поэзии: «Она есть верование и первый шаг к философскому сознанию о мире и человеке» [5, с. 148].

Или его попытка понять, как в слове отражается национальная культура народа. Он рассуждал на своих лекциях: «Хотя мы[,] славяне[,] не имеем особенного слова, которое вполне соответствовало бы немецкой руне (в ѣще слово – выше по тексту комментарий Ф.И. Буслаева. – О. Н.), однако и у нас найдем наименования, которыми выражается первобытное понятие о нераздельности мифа и знания, слова и дела, мысли и поэзии, вымысла и истории, обряда и поэтической речи.

а) [...] Мысль и слово, поэзія. В Южной Руси исторические песни называются *думами*.

б) [...] Слово и дѣло, поэзия и юридический обычай, поэзия и чарование. При словах вѣщать и вѣчать (от-вѣчать, от-вѣтить) замечательны речения: в смысле мудреца и предсказателя: *вѣщий*; в смысле оратора – *витія*, или по-древнему – *вѣтія*; в смысле колдуньи – *вѣщица* (по-сербски); в смысле лекарства *вѣщетины* (русское областное); в смысле мирской сходки для суда и правды, т. е., в смысле юридического, – *вѣче*. Сверх того, от слова говорить – *заговаривать* значит словами что-нибудь заклинать, исцелять болезни; *врачъ* – в старину имело смысл колдуна, чародея. От слова знать – *знахарь*, то есть знаток, – имеет значение тоже колдуна.

в) [...] Поэзія и событіе. Как *былина* значит и песня, и то, что было; так еще Нестор употребляет слово *притча* в смысле пословицы, соединенной с каким-нибудь повествованием, напр., “Погибоша аки

Обре”, “Бѣда аки въ Роднѣ”, а слово *притча* (или *притка*) в народном языке употребляется в значении какого-нибудь события и, особенно, события важного, случая по преимуществу несчастного, т. е. драматической катастрофы, переворота.

г) [...] Наконец, самое речение слово (как греческое – *эпосъ*) имеет смысл целого литературного произведения; напр. “Слово о полку Игореве”, т. е. *разсказъ* или *эпосъ* о полку Игореве» [5, с. 149–150].

В лекциях Ф.И. Буслаева поражает насыщенность материала фактами, событиями, мелкими подробностями из истории словесных фантазий древних народов. Он восхищался силой их разума, обаянием мысли и красотой слога безвестных сказителей. Вот, например, как ученый говорил о такой форме народной поэзии, как *загадка*: «Теперь она стала детской игрою, а прежде была наивною эпическою формою для препирания и состязания между двумя лицами о том, кто умнее и кто больше знает» [Там же, с. 151].

Он не обошел вниманием и «быт юридический», хотя специально не рассматривал деловые тексты, но «Русскую Правду» указал в числе источников «обычного права» (см. также современные исследования на эту тему: [10; 12; 16]), которые когда-то произошли из обычаев [5, с. 84], а значит, преисполнены нравственной идеи. Именно ее Ф.И. Буслаев выделял почти во всех словесных памятниках.

Предисловие анонимного автора к первому выпуску лекций Ф.И. Буслаева завершалось абзацем, в котором, как нам думается, и выражен пафос филологии духа Учителя, видевшего в своем воспитаннике благородного и гуманного правителя: «Свои лекции наследнику цесаревичу профессор Ф.И. Буслаев заключил таким общим выводом: “Итак, необходимость в *правильном обучении* русского народа по всем его сословиям и классам – вот главный и существенный результат, извлекаемый нами из истории русской литературы”. Да послужит издание этих драгоценных лекций одним из средств к достижению сей великой задачи!» [1, с. 3].

К сожалению, лекции Ф.И. Буслаева до сих пор не переизданы и недоступны широкой публике. Имея под рукой такой кладезь историко-литературных исследований, сложенных им в целую эпопею жизни отечественной словесности, мы должны быть уверены в том, что его филологический талант послужит еще не одному поколению учеников (ср., например, как он наставлял внуку: [11]). Песни, былины, здравицы и обереги славян в искусном изложении Ф.И. Буслаева по-прежнему несут многовековую мудрость народа, слагавшего чувствительную поэзию в героический эпос, в котором необычайная реальность и тонкое нравоведение преображали бытовое мир, разукрашивали его удивительными преданиями. Эти мифы, которыми так восхищался Ф.И. Буслаев, находились в основании подлинной истории духа русского племени. Ее выразителем и был Федор Иванович Буслаев – человек «благочестивой жизни в самом лучшем смысле – в *спокойно-русском*» [22] – созидатель, просветитель, творец!

Сокращение

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

1. Лекции Ф.И. Буслаева е. и. в. наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.) // Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.). – Москва, 1904. – Выпуск первый. – С. 1–3.

2. Баландин, А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев / А.И. Баландин. – Москва, 1988.

3. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев. – Санкт-Петербург, 1861. – Т. 1–2.

4. Буслаев, Ф.И. История русского языка и словесности. Лекции, читанные ординарным профессором Ф.И. Буслаевым... Литографированное издание / Ф.И. Буслаев. – [Москва, 1868].

5. Буслаев, Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.) / Ф.И. Буслаев. – Москва, 1904. – Выпуск первый.

6. Буслаев, Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.) / Ф.И. Буслаев. – Москва, 1905. – Выпуск второй.

7. Буслаев, Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 г.). / Ф.И. Буслаев. – Москва, 1906. – Выпуск третий.

8. Буслаев, Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Ф.И. Буслаев; сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. – Москва, 2003.

9. Кызласова, И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России: (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории) / И.Л. Кызласова. – Москва, 1985.

10. Максимович, К.А. Законъ соудьныи людѣмъ. Историко-лингвистические и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника / К.А. Максимович. – Москва, 2004.

11. Никитин, О.В. «И мы, старики, тоже учимся...». Письма Федора Ивановича Буслаева внучке / О.В. Никитин // Литература в школе: научно-методический журнал. – 1998. – № 1. – С. 55–64.

12. Никитин, О.В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Никитин О.В. – Москва, 2000.

13. Никитин, О.В. Предсказание И.Я. Корейши Ф.И. Буслаеву / О.В. Никитин // Русская речь. – 2002. – № 3. – С. 90–92.

14. Никитин, О.В. К 185-летию со дня рождения Федора Ивановича Буслаева. «Русский лицевой Апокалипсис» Ф.И. Буслаева и неизвестные факты его издания (Ф.И. Буслаев и П.П. Вяземский) / О.В. Никитин // Европейские языки: историография, теория, история: межвузовский сборник научных работ / отв. ред. В.И. Макаров, Г.П. Пальчун. – Елец, 2003. – Вып. 4. – С. 255–260.

15. Никитин, О.В. «Счастлив тот, кто исполнится свыше к красоте и науке любви...» (Неизвестные стихотворения из рукописного собрания Ф.И. Буслаева) / О.В. Никитин // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – 2004. – Вып. 3: Филология. – С. 282–293.

16. Никитин, О.В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства) / О.В. Никитин // Филологические науки: научные доклады высшей школы. – 2005. – № 1. – С. 81–89.

17. Никитин, О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века / О.В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4 (173). – С. 82–88.
18. Никитин, О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 79–86.
19. Никитин, О.В. Федор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 48–56.
20. Перфилова, Т.Б. «Назад в будущее». Ф.И. Буслаев: опыт изучения картины мира человека архаических и древних обществ: монография / Т.Б. Перфилова. – Ярославль, 2017.
21. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – 3-е издание. – Харьков, 1913.
22. Розанов, В. Уединенное [Электронный ресурс] / В. Розанов. – Режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/28603/vasily-rozanov-uedinennoe-13.php> (дата обращения: 17.07.2018).
23. Смирнов, С.В. Ф.И. Буслаев / С.В. Смирнов. – Москва, 1978.
24. Топорков, А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А.Л. Топорков. – Москва, 1997.
25. Хроленко, А.Т. Самородное слово в филологической концепции Ф.И. Буслаева / А.Т. Хроленко // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4 (173). – С. 89–93.
26. Шахматов, А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка / А.А. Шахматов // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21-го января 1898 года... – Санкт-Петербург, 1898. – С. 7–16.

O.V. Nikitin

**LECTURES BY F.I. BUSLAEV ON THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE,
READ TO HIS IMPERIAL HIGHNESS THE HEIR CESAREVITCH NIKOLAY ALEKSANDROVICH,
AS A PHILOLOGICAL ART**

The article analyzes F.I. Buslaev's lectures on Russian literature, read to cesarevitch Nikolay Aleksandrovich in 1859–1860. This interesting pedagogical experience presented the scientist in high society as an outstanding historian and philologist, a proponent of traditions of folk culture. The focus of F.I. Buslaev's attention was the problems of comparative study of ancient Russian and European literature, their spiritual, historical, linguistic connections. In his lectures, Buslaev showed his talent as a skilled teacher and philosopher, a gifted storyteller, a strict comparative scientist, and a charming, lively lecturer. These recordings, recovered many years later, are indicative of the portrait of F.I. Buslaev, the formation and development of his professional interests and scientific approaches.

Ancient Russian literature, folk poetry, culture, history, Comparative Studies, Hermeneutics of language.